

Двор, укрытый небом

*Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.*

Александр Яшин.
«Перед исповедью»

В последние годы своей недолгой жизни, пораженный неизлечимой болезнью, Александр Яшин горько сетовал:

*Несжатым клином жизнь
лежит у ног.
...Не завершил ни одного
пути.
Как незаметно наступила
осень!*

«Отходная»

Но хотя действительно он многое не успел дописать и написать, например, роман («или целая эпопея», как мечталось Яшину) «Для кого строился дом» о драматической истории крестьянской семьи, творчество и сама жизнь этого автора — яркая и драматическая страница нашей литературы, да, пожалуй, и истории.

Как-то он сделал в дневнике знаменательную запись:

«Мертвые стихи — это повторение аздов, зарифмовывание готовых фраз. Живые стихи — те, в которых бьется живое человеческое сердце и чувство».

В его собственном творчестве долго шла отчаянная борьба «живого» с «мертвым».

Сын погибшего в первую мировую войну солдата, с детства приобщившийся, по собственному выражению, «к тягелому и радостному крестьянскому труду», Яшин и в литературе стал пробовать свои силы рано. И в двадцать один год выпустил в Архангельске первый сборник стихов «Песни Северу», вскоре оказавшись даже делегатом Всесоюзного съезда советских писателей (правда, лишь с совещательным голосом).

Однако уже тогда он остро чувствовал и свою неопытность, и — пусть более смутно — что повторяет азы и поэтому даже на несколько лет перестал печатать свои стихи, приналег на учебу в Литературном институте.

Грянула война, и Яшин отдался ей со всей своей страстностью, со всем своим «медвежачьим ндравом», как однажды шутливо определил собственный характер. Был и в осажденном Ленинграде, и в Сталинграде, не раз из-за своей прямоты и бескомпромиссности попадал в разные переделки, а и к стихам своим по-прежнему относился критически. Сообщив близким о полученной медали, торопился добавить, что «к поэзии это награждение, конечно, не имеет никакого отношения».

Но шли годы, а «мертвое» не сдавалось, стремясь подавить «живое» не кнутом, так пряником. Слабая, громоздкая поэма «Алена Фомина», писавшаяся в пору известных программных партийных постановлений о литературе и искусстве и крайне идеализированно изображавшая послевоенную деревню, была удостоена Сталинской премии. «А как писалась лауреатская вещь? — покаянно признавался впоследствии автор в дневнике. — Ходил пешком по родной земле — поэма в рюкзаке, но прибавлял в нее на остановках... совсем не о том, что видел. Жизнь как бы текла мимо меня...»

Однако «медвежачий ндрав» возобладал, и на втором писательском съезде Яшин всенародно заявил: «Нельзя сказать, что мы все поголовно не видели сложностей в жизни — послевоенной колхозной деревни. Но мы бежали от них».

И уж совсем на рога тину полез писатель в рассказе «Рычаги», изобразив как хорошие, разумные люди делают послушным орудием бюрократического руководства, которое сами же в доверительных разговорах между собой справедливо осуждали: «Начальники наши районные с народом разговаривать научились... Дома заколоченные в деревне видят, а сказать об этом вслух не хотят. Только и заботы, чтобы в сводках все цифры были круглые...»

Этот рассказ сделал Яшина по-настоящему знаменитым и... подвергся разносторонней критике в печати, став одной из главных причин прекращения издания альманаха «Литературная Москва», где он был помещен.

Но писатель продолжал осмысливать все пережитое и происходящее, беспощадно казня себя за то, что слишком долго писал, по его выражению, «приказчицкие стихи»:

*За все отвечать настала
пора:
За то, что когда-то
я промолчал,
За то, что кричал во весь
рот ура,
А караул не кричал.*

В сборнике «Совесть», который Яшин считал для себя этапным, четко, хотя порой еще в декларативной форме обозначились все темы, которые станут центральными в его последующем творчестве: проповедь гуманности, заботы о людях («Без этого к чему слова любви о родине, о речках, о березках?»), неприятие лжи и фальши, воспевание родной природы.

Всерьез взявшись за прозу, Яшин пишет повесть «Сирота» — о том, как преуспевают не истинные труженики, а различные ловкачи и демагоги. Но если «Сирота» была довольно благосклонно принята критикой, посчитавшей эту повесть всего лишь обличением «мелкобуржуазного, собственнического сознания», то очерк «Вологодская свадьба» вызвал новые нападки на автора, без утайки сказавшего о многих теневых сторонах тогдашней деревенской жизни. Характерная деталь: «Для приданого последней дочери мать отдала свой **вавичаский кованный сун-**

дук, который когда-то был доверху набит ее собственным приданым. Ныне, сколько ни старались, сундук оставался наполовину пустым, пока не догадались сложить в него и домотканые половники, и пару валенок, и даже ватник».

Рецензенты пытались представить автора мрачным критиканом («Свадьба с дегтем» — примечательное название одной из таких статей), а он, видя весь трагизм происходящего в деревне («Выживающие самые безропотные, — говорится в его дневнике. — Все другие — города берут, в города бегут»), со всевозрастающим лиризмом писал о ее людях, о родной природе, о ее прекрасном, живительном воздействии на людей.

«Бобришный угор пел на все голоса. Я слышал здесь даже соловья...» — вспоминает писатель Василий Белов (один из многих поддержанный и во многом выпестованный земляком Яшиным) об урочище, где Александр Яшин построил себе дом. «На все голоса» пел в свои зрелые и, увы, последние, краткие годы сам его обитатель: «Смакую родные слова, красоту которых в детстве не чувствовал. Упивается он красотой и выразительностью русской речи, заноса в дневник услышанное: то о недостроенном доме: «Двор есть, только еще небом крыт», то последние слова мастера-плотника: «Всем прощаю, только еловому сучку ничего не прощу».

Даже соловей слышен в последних яшинских лирических сборниках, как ни странно это, казалось бы, памятуя о пресловутом «медвежачьем ндраве». И от этого яшинского пения веет такой благодарной памятью о любви, таким незаживающим ощущением потери:

*С горем не в силах
справиться,
В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится.
Из-под земли не явится.
Разве что не наяву.
Так и живу.
Живу?*

«Думалось да казальность...»

Да, он не дожил, не дописал и все-таки — выговорился дочиста...

Андрей ТУРКОВ